

Л.Н. Житкова
Екатеринбург, Россия

ИСТОРИЯ И ИСТОРИЗМ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ Д.Н. МАМИНА-СИБИРЯКА*

Аннотация: На материале произведений Мамина-Сибиряка (прежде всего, повести «Охонины брови») выявляется авторская концепция историзма, рассматривается ее претворение в структуре художественного мира писателя.

Ключевые слова: Д.Н. Мамин-Сибиряк, повесть «Охонины брови», историзм, позиция автора.

L.N. Zhitkova
Yekaterinburg, Russia

HISTORY AND HISTORICISM IN MAMIN-SIBIRYAK'S LITERARY WORKS

Abstract: With reference to Mamin-Sibiryak's literary works and primarily *Okhonna's Brows*, a novelette, the article reveals Mamin-Sibiryak's concept of historicism and examines its implementation in the structure of the author's artistic world.

Keywords: D.N. Mamin-Sibiryak, historicism, author's position, author's ideal.

И.А. Дергачев в своем капитальном исследовании творчества Д.Н. Мамина-Сибиряка отмечал, что в 1890-е годы интересы писателя смещаются в сторону освоения малых эпических жанров повести и рассказа, в которых существенное место отводится исторической тематике. В этом ряду им назывались следующие произведения: повести «Охонины брови» (1892), «Братья Гордеевы» (1891), «Сказание о сибирском хане старом Кучуме» (1891), рассказы «Полонянка» (1892), «Последнее искушение» (1895), «Бабий грех» (1895) и др. [см.: Дергачев 2005: 226-234].

В указанных произведениях в той или иной форме запечатлено некоторое знаменательное историческое событие. Так, в «Охонинных бровях» это пугачевщина, в «Братьях Гордеевых» – исторически важный процесс вхождения в мир русского капитализма европейской культуры, в «Полонянке» и «Бабьем грехе» – отношения русских с ордой и т.д. Следует при этом заметить, что исторические обстоятельства подаются здесь главным образом как фон, нигде не становясь специальным объектом авторского изучения. Они выполняют лишь роль некоторой декорации, в которой разыгрываются сцены жестокого противоборства человеческих страстей. Излюбленные маминские типы вписываются в заданные исторические декорации и «разыгрывают» предустановленные автором роли. Так, например, в повести «Охонины брови» это, с одной стороны, палачествующие садисты игумен Прокопьевского монастыря Моисей, заводчик Гарусов, воевода Чушкин, а с другой – дьячок Арефа, его дочь Охоня, безымянные рабочие, пленные орды, эпизодические персонажи из народа и др.

Особое место среди исторических произведений Мамина занимает повесть «Охонины брови». Автор одной из немногочисленных работ об «Охонинных бровях» А.И. Филатова специальное внимание уделяет проблеме историзма, как он реализовался в русской исторической прозе конца XIX в., и определяет историзм как принцип «раскрытия в ху-

дожественном произведении глубинных явлений действительности, ее существенных сторон с точки зрения передовых идеалов эпохи» [Филатова 1974: 114]. «Передовые идеалы эпохи» – это марксистско-ленинская идеология классовой борьбы, культ восставшего народа и т.д. В соответствии с этими установками автор статьи выстраивает концепцию повести, что, с нашей точки зрения, грубо искажает ее смысл. С позиции декларируемого историзма автор статьи довольно критично оценивает историческую литературу конца XIX в., в частности, роман Д.С. Мережковского «Юлиан Отступник», как реакционную по своей идеологии, которая изменила классической традиции историзма, в то время как повесть Мамина будто бы наследует ее.

Если использовать категорию историзма, то под ней следует, видимо, понимать некую систему представлений писателя об истории, как они проявлены в его художественном мире. Что касается категории классического историзма, о чем речь в упомянутой статье, то следует заметить, что само это понятие по своему значению не так уж аксиоматично и требует переосмысления, если в этом вообще есть научная необходимость. У авторов-классиков XIX в. (как писателей, так и теоретиков) не было единообразия в толковании проблемы «Человек и история» точно так же, как и в литературе конца века.

Попытаемся посмотреть на повесть «Охонины брови» по возможности объективно. Прежде всего, важно понять, как отражено в повести пугачевское движение, тема, которая ставится во главу угла в научной литературе о повести Мамина и трактуется как тема справедливой войны угнетенного народа с тиранией власти. Согласно подобным представлениям, данная тема будто бы обуславливает пафос повести, организует ее сюжет, выстраивает всю персональную систему, в которой существенными выступают, по мнению исследователей [см.: Дашевский 2002], именно фигуры «богатырские» типа казак Тимохи Белоуса и др.

В отличие, например, от Пушкина, автора «Капитанской дочки», который изнутри освещает пугачевскую тему, у Мамина она дается, как уже было сказано, фоновым порядком, реализуясь в слухах, атмосфере тревожного ожидания, загадочном пере-

* Работа выполнена в рамках реализации ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 годы. Соглашение № 14.А18.21.0999.

шептывании рабочих, в мстительной угрозе крестьянина Трофима, замученного до смерти Гарусовым, а затем – воплощаясь в образе темной и страшной «шайки» злобствующих бунтовщиков.

Повествователь фиксирует довольно монотонную картину темных человеческих страстей: «Творилось что-то ужасное, непонятное, громадное, и главное – сейчас нельзя было даже приблизительно определить размеры поднимавшейся грозы» (с. 308)¹; «Смута росла, как пожар» (с. 319); «...Воровские люди уже завладели Баламутским заводом, контору сожгли вместе со всеми бумагами, господский дом разграбили... На медном руднике затопили все шахты и освободили колодников, а приказчиков перебили. Народ ходит пьяный. Приставов и уставщиков перевязали и мучат всякими муками» (с. 322); «...все сбивались в одну шайку, чтобы идти на Прокопьевский монастырь. <...> Все грабят, жгут, зорят...» (с. 323). Частотные слова в описании бунтовщиков: «шайка», «сброд», «воры», «скопища». Пугачевские «скопища» пролагали себе «кровавый путь»; «сборное войско» Белоуса «могло только грабить беззащитных» (с. 333). Описываются жуткие казни пленных в орде: «Это была ужасная картина, когда из-под бревна раздавались раздиравшие душу крики, отчаянные вопли, стоны и предсмертное хрипение. “Орда” выла от радости...» (с. 307).

Примечательно, что описание бунта с его оценками принадлежит авторскому дискурсу – и оценки здесь однозначно негативные. В авторском тексте возможны исторически-документальные фрагменты, что подчеркивает объективное значение изображаемого. Таковы, например, его комментарии к жестокой сцене казни башкирами пленных русских. Он пишет: «Все эти ужасы были только далеким откликом кровавого замирения Башкирии, когда русские проделывали над пленными башкирами еще большие жестокости: десятками сажали на кол... вешали сотнями, отрубали руки, обрезывали уши, морили по тюрьмам и вообще изводили всякими способами тысячи людей» (с. 307).

Каков итог войны? «Замирившийся край представлял собой, – пишет автор-повествователь, – печальную картину. Половина селитьбы пустовала, а оставшиеся в целых жители неохотно шли на старые пепелища, боясь розысков и жестокой расправы. <...> Пашни оставались непахаными, крестьянское хозяйство везде рушилось... Немалым злом являлись разбойничьи шайки... Это были осколки разбитых скопищ. У каждой являлся свой атаман, и каждая работала в свою голову» (с. 338).

Так создается обобщенный образ бунта в абсолютном соответствии с известной формулой Пушкина о русском бунте как «бессмысленном и беспощадном». Но, в отличие от Пушкина, понимавшего глубоко гуманистический мотив бунта, Мамин-Сибиряк этот аспект исключает.

Крупный план отдельных немногих представителей пугачевцев – казачий атаман Белоус и лазутчик Брехун – только конкретизируют общую небла-

гоприятную оценку, не усложняя и не корректируя ее, но скорее – упрощая, сводя к элементарному. Например, Белоус показан как далеко не богатый или героический мечтатель – таковым скорее является защитник монастыря Гермоген. Все его существо переполняет роковая страсть к Охоне, ради чего он способен забыть о своих товарищах. Белоуса как бы даже не интересует ни ситуация, ни товарищи – он поглощен своей мстительной страстью: он должен увидеть Охону любой ценой, но не для любовного свидания, а чтобы убить ее из чувства ослепляющей ревности, что он и совершает: позднее Охону находят «зарезанной на горе» (с. 337). Показательна эта жестокая натуралистичность, что вообще характерно для маминских сюжетов исторической тематики. Например, в «Сказании» о Хане Кучуме воссоздается эпический образ вечного воина, для которого смысл войны в войне: озабоченный проблемой наследника, он думает о том, чтобы было кому после него вести войну. Повесть написана в сказовом стиле, повествователь находится внутри сюжета рядом с «героем», и его апологетика по отношению к главному персонажу не коррелирует с какой-либо иной позицией и, следовательно, может восприниматься как объективная, совпадающая с авторской. В связи с вышесказанным логично возникает вопрос: «Не является ли война, по Мамину, аналогом жизненного процесса, стимул к каковой заложен в человеке самой природой и закреплен в социальном опыте?»

Как отмечалось, в центре повествования оказывается не пугачевский бунт и пугачевцы, но такая внешне совсем не героическая фигура, как дьячок Прокопьевского монастыря Арефа. Только его внутренний мир интересен автору, именно его образ развернут психологически, именно этот персонаж выстраивает основной дискурсивный план повествования в повести, и вокруг него группируются другие персонажи.

Образ Арефы, начиная с внешнего вида, его характер, переживания и мысли, линия поведения не вписываются в жестокий фон человеческих страстей – фон, сотворяемый обеими враждебными сторонами: он не с теми и не с другими, он – сам по себе, со своим смирением, любовью к родному монастырю, своей дьячихе, преподобному Прокопию. Он – самодостаточная величина, которая не нуждается в том, чтобы быть обремененной сверхличностными задачами.

Душа Арефы живет жизнью, которая параллельна внешней жизни и с нею соприкасается не по его выбору. И суть этой жизни – любовь. Его переполняет любовь к родным местам, дому, дьячихе и преподобному Прокопию, который для него родной и близкий человек, защитник.

«...Всё домой тянет, – говорит он, – не могу без Служней слободы жить» (с. 237); «...расстаться со Служнею слободой тяжко. Ох, как тяжко, до смертыньки!» (с. 250). «...Арефа пал на землю и долго молился на святую обитель, о которой день и ночь думал, сидя в своем затворе» (с. 255). «Обрадовалось сердце Арефы, когда он увидел родную реку...» (с. 291). Каждый раз, попадая в смертельно

¹ Здесь и далее в тексте все цитаты из повести приводятся по изданию [Мамин 1984] с указанием в скобках соответствующей страницы.

опасную ситуацию, он знает, что святой Прокопий не оставит в беде: «Вызволит преподобный Прокопий от неминуемой смерти» (с. 307).

С одной стороны, Арефа кажется немощным, аморфным, с другой – это цельный, по-своему сильный человек. Противоречие внешнего и внутреннего подчеркнуто в его портрете: «Сгорбленный и худой, он казался старше своих лет, но это только казалось, а в действительности это был очень сильный мужчина, поднимавший одной рукой семь пудов» (с. 237). В глубине его души живет чувство оскорбленного достоинства и даже ненависти к палачам, и он может возмущаться и даже угрожать. Так, он говорит пристапу: «Я слободской человек, иду куда хочу...» (с. 286). «Искать буду с Гарусова... <...> Попомнит он у меня единомершего хрестьянина Трофима из Черного Яру, вот как попомнит!..» (с. 295). Характерно, что он восстает в защиту другого – не себя, а позднее спасает звероподобного Гарусова от смерти, увозя его на своей кобылке от пугачевцев.

На долю Арефы выпало немало страданий, и не раз он погибал, но при этом он не становится мстителем и озлобленным бунтовщиком.

Арефа сидел в клетке судной избы у игумена Моисея, прикованный к железному пруту. Дьячок жалуется, что игумен «люто» «истязал» его «и шелепами, и плетями, и батожем» (с. 236). Затем, по случаю освобожденный воеводой, оказывается на рудниках Гарусова, который буквально посылает его умирать в горячий цех к горну и на медный рудник. Оттуда он, понуждаемый насильно рабочими, совершает с ними под угрозой расправы побег, но возвращается за своей кобылкой, вспомнив о ней. Ему удается уйти от бунтовщиков, но в конце концов волею случая оказывается у них, и во время осады монастыря его обнаруживают по ту сторону монастыря его защитники, но верно и однозначно объясняют ситуацию: Арефа оказался там «не своей волей».

В финале повести, когда пугачевцы уже отошли, инок Гермоген нашел плачущего Арефу на паперти храма. «Как он попал в монастырь и когда – никто и ничего не мог сказать» (с. 337). Его присудили к пострижению, чему он был несказанно рад. «Слава Богу, – проговорил Арефа перекрестившись. – Давно бы так-то, так оно бы лучше» (с. 339).

Именно такие светлые души, как душа дьячка Арефы, исполненная божественного света, любви, сохраняют в человечестве его богоподобный образ и помечают собой те начала добра, которым только и жив этот мир.

Особый вопрос – это название повести «Охонины брови». Конкретная черта внешности дьячковской дочери Охони – «сросшиеся брови» – вынесена в заглавие и метафорически запечатлена в названии

окрестных гор, когда-то поросших вековым мхом, от которого теперь остались одни пни. Здесь важен авторский комментарий о том, что «такие брови росли, по народному поверью, только у счастливых людей» (с. 240). Но счастья не случилось ни у Охони, ни у других персонажей повести, ни в народной смуте, ни в судьбах бунтарей. Заголовок, таким образом, имеет символично-драматический смысл.

Вынесенное в заголовок имя Охони предполагает особый статус персонажа. Она, действительно, появляясь в начале повести, как бы завязывает острую интригу, когда сталкивается с роковой личностью Белоуса, с одной стороны, и всемогущим воеводой – с другой. Но Охоня почти сразу же и «сходит со сцены» – и в дальнейшем читатель получает лишь отрывочную информацию о ее жизни, что во всех отношениях разочаровывает читателя. Изначально ей задан автором сильный и дерзкий характер. Однако главным поступком ее жизни становится уход к престарелому воеводе на содержание, причем, как негодует Белоус, по собственному выбору. Она забывает и родителей и по большому счету прерывает связи со всем родным ей миром. Такой персонаж, очевидно, не соответствовал статусу главной героини, и генеральной повествовательной линией был избран сюжет Арефы, что свидетельствует о резком смещении авторской точки зрения.

В качестве последних выводов из наблюдений над повестью «Охонины брови» можно констатировать следующее. Вал истории увлекает и поглощает человека, сознание которого между тем не способно освоить совершающееся. Складывается в некоем роде абсурдная ситуация. Этот процесс подчиняется, видимо, некоторым внутренним законам, один из которых для Мамина очевиден и универсален – это закон борьбы сильных и слабых, аналогичный закону видовой борьбы в природном мире, по Дарвину.

ЛИТЕРАТУРА

Дашевский В.А. «Охонины брови» Д.Н. Мамина-Сибиряка. Жанрово-стилевое своеобразие повести. Литературные традиции // Творчество Д.Н. Мамина-Сибиряка в контексте русской литературы: Материалы научно-практической конференции, посвященной 150-летию со дня рождения Д.Н. Мамина-Сибиряка, 4-5 ноября 2002 г. – Екатеринбург, 2003. С. 37-44.

Дергачев И.А. Д.Н. Мамин-Сибиряк в литературном процессе 1870–1890-х годов. – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2005.

Мамин-Сибиряк Д.Н. Черты из жизни Пепко: Роман и повести / подг. текста и коммент. И.А. Дергачева. – Свердловск: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1984.

Филатова А.И. Повесть Д.Н. Мамина-Сибиряка «Охонины брови» и историческая проза 90-х годов // Русская литература 1870–1890 годов / Урал. гос. ун-т; отв. ред. И.А. Дергачев. – Свердловск, 1974. Сб. 6. С. 103-114.

Данные об авторе:

Людмила Николаевна Житкова – кандидат филологических наук, доцент кафедры русской литературы Уральского федерального университета (Екатеринбург).

Адрес: 620000, Екатеринбург, пр. Ленина, 51.

About the author:

Lyudmila Nikolaevna Zhitkova, PhD, Associate Professor of the Russian Literature Department of the Ural Federal University (Yekaterinburg).